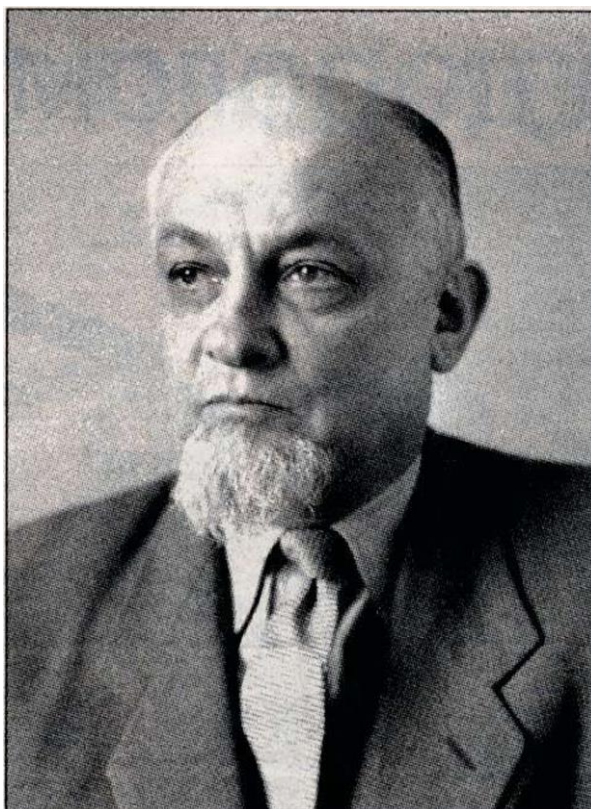

ПРОВОДНИК

С Николаем Николаевичем Ворожцовым я познакомился в 1945 году, когда заканчивал третий курс органического факультета Менделеевского химико-технологического института. Кафедру для специализации я выбирал, желая получить образование с хорошей физико-химической составляющей. Поэтому в числе прочих я сразу исключил из рассмотрения и кафедру промежуточных продуктов и красителей, про которую по старой памяти говорили, что там не ведут работы по изучению кинетики и механизмов реакций, не применяют физических методов для изучения строения органических соединений. Однако, когда я рассказал о своих мыслях отцу — крупному специалисту в области теории горения, он посоветовал специализироваться именно по кафедре промежуточных продуктов и красителей, поскольку ее руководителем только что стал профессор Н.Н. Ворожцов, с которым отец недавно познакомился во время своей поездки в Алма-Ату. На отца он произвел впечатление очень прогрессивного ученого, умеющего видеть будущее науки и понимающего, что в органическую химию придут современные физические и математические методы. Я, несмотря на молодость, отнесся к его совету очень серьезно и принял неожиданное для самого себя решение, которое впоследствии сыграло решающую роль в моей жизни.

Когда я был уже студентом четвертого курса и специализировался на кафедре Н.Н. Ворожцова, произошел не слишком приятный для меня эпизод. После четвертого курса будущим технологам полагалось пройти заводскую практику. Ее организация была непростым делом, поскольку для завода это было никчемной обузой. Группу студентов направили на Дорогомиловский химический завод. Работали мы в ночную смену и, естественно, очень хотелось спать. Однажды получилось так. Я дремал, сидя за столом около порученного мне аппарата, и, не разобравшись спросонья, что пол залит горячим раствором бисульфита натрия, получил ожог ноги. Это квалифицировалось как несчастный случай на производстве с потерей трудоспособности, лишило цех переходящего Красного Знамени и, вероятно, связанного с этим премирования. Почти всю практику я пролежал в постели, но у меня были конспекты лекций, которые содержали описание проводимых в цехе процессов и технологические схемы. Изучение всего этого потребовало максимум полдня, так что я без тени сомнения явился к Ворожцову сдавать зачет. Принял он меня чрезвычайно холодно, зачет, как у провинившегося, принимал с пристрастием. Однако, к глубокому удивлению Николая Николаевича, ни на одном вопросе подловить меня ему не удалось. Но он сказал: «Все равно, поскольку вами совершено грубое нарушение дисциплины, поставить пять я не могу. Ограничьтесь четверкой». Для меня это было наказанием, так как эта четверка была единственной за время моего обучения в ВУЗе. На пятом курсе, как и было им предварительно обещано, Н.Н. Ворожцов предложил мне работу физико-химического плана. Он внимательно следил за ее ходом и часто заходил ко мне, когда у меня появился нетривиальный, с его точки зрения, результат — пошла не та реакция, которую он ожидал. Николай Николаевич считал, что работа оказалась даже интересней, чем была первоначально задумана, и я понимаю, что она была значительно лучше, чем та аспирантская работа, которую я впоследствии выполнил в Институте химической физики. Но, к сожалению, она так и не увидела свет. К моменту завершения работы появился указ, по которому можно было получить срок от восьми до пятнадцати лет за преждевременное опубликование данных, могущих представлять интерес для страны. Направление статей в печать стало сопровождаться оформлением вороха бумаг, смысл которых, как шутил Николай Николаевич, состоял в том, чтобы засвидетельствовать, что «работа не имеет ни практического, ни теоретического значения и поэтому может быть опубликована в открытой печати».

После окончания мною института наши дороги разошлись, но добрые отношения остались. В 1958 г. под воздействием другого Николая Николаевича — академика Семенова — я начал работать над биохимическими проблемами, и нужно было синтезировать водорастворимый карбодиимид. В Институте химической физики необходимых для этого условий не было, и я

обратился к Ворожцову с просьбой о проведении синтеза на его кафедре. Такая возможность была предоставлена немедленно. Во время моего пребывания на кафедре Н.Н. Ворожцов заинтересовался, над чем я работаю, и одобрил мое желание направить усилия в сторону биологии. А вскоре моя судьба приняла неожиданный оборот, связав меня с Николаем Николаевичем до последних дней его научной и организационной деятельности.

На первых порах я занимался пептидным синтезом, и, когда мне потребовался первый пептид, обратился за помощью к своему близкому товарищу Володе Мамаеву. Когда первый этап работы был пройден, Володя сообщил, что уезжает в Новосибирск работать в организуемом Н.Н. Ворожцовым Новосибирском институте органической химии (НИОХ). Он предложил продолжить сотрудничество, и для получения согласия я напросился к Николаю Николаевичу на аудиенцию. Но, на самом деле, у меня была другая, гораздо более масштабная цель.

Когда было принято решение об организации Сибирского отделения Академии наук СССР, я загорелся мыслью принять участие в создании нового научного центра. Я знал, что Николай Николаевич, создавая институт, опирается на своих учеников, и подумал, что имею шансы. С этой надеждой я и ехал к нему. Добро на сотрудничество с Мамаевым я получил мгновенно, но Николай Николаевич этим не ограничился и спросил, не хочу ли и я поехать в Сибирь. Ни минуты не раздумывая, я ответил согласием. На его вопрос о том, какие силы нужны мне для начала, я сказал, что группа из шести-восьми человек. Он ответил: «Ну что вы, такие дела требуют иного масштаба. Я предлагаю вам лабораторию и даю на первый период человек двадцать». В этом и ряде последующих его действий ярко проявилось качество, о котором когда-то говорил мой отец — умение видеть будущее науки. Я был готов ехать сразу, но Ворожцов сказал, что не возьмет меня в Сибирь прежде, чем сумеет создать условия лучшие, чем я имел в Институте химической физики.

В Новосибирск я впервые попал в 1958 году. Тогда зародыш научного центра был сосредоточен в здании Западно-Сибирского филиала АН СССР (ул. Советская, 18). Там у Николая Николаевича был стол, на котором стояла табличка с надписью «Новосибирский институт органической химии СО АН СССР». Я завидовал сотрудникам, которые считали себя «целинниками», а я «отсиживался» в Москве. Но позже я в полной мере осознал, насколько был прав Николай Николаевич. То, что я тогда затевал, невозможно было делать, как они, в стаканах и бутылках. Это была другая «целина» — в одной из немногих, к счастью, областей науки, в которые пробрались неграмотные, но умело пользовавшиеся искаженными догмами фанатики и прохвосты, сумевшие убедить далекого от науки Н.С. Хрущева в своей правоте. Он потребовал убрать с поста директора Института цитологии и генетики (ИЦиГ) крупного ученого-генетика Н.П. Дубинина. Однако М.А. Лаврентьев, опираясь на ближайших соратников, к которым относился и Николай Николаевич, сохранил институт и поставил его директором кандидата наук Д.К. Беляева, твердо стоявшего на позициях научной генетики.

Тем не менее, многие пытались убедить меня, что развивать современную биологию в Сибири уже не удастся. Однако Николай Николаевич развеял зародившиеся сомнения. Он разрешил мне взять в НИОХ несколько только что окончивших МГУ молодых специалистов, приглашал меня на кафедру в МХТИ, где в его кабинете висел план будущего Академгородка. Это было очень важно для осмысления и укрепления в принятом решении — видеть еще не состоявшееся, но уже осязаемое будущее. С этих встреч я всегда приходил окрыленным, чувствуя свою причастность к великому деянию.

В конце 1960 г. я перешел в НИОХ на должность заведующего лабораторией природных полимеров. Спустя несколько лет из документов, найденных в архивах института, я узнал, что лаборатория была заложена в структуру института якобы для изучения таких полимеров как шеллак и нечто подобное. Мудрый и осторожный Николай Николаевич понимал, что в то время упоминание о нуклеиновых кислотах грозило неприятностями.

В марте 1961 г. я переехал в Академгородок. К этому моменту уже была подготовлена двухмодульная комната в Институте гидродинамики, которая, правда, оказалась тесноватой. В связи с этим буквально в течение месяца я получил еще одну одномодульную комнату. Хотя прошло много лет, это живо в памяти, так как совпало с другим, неизмеримо более грандиозным событием: в один из первых дней после моего переезда в этот модуль в него влетела всполошенная Маша Михалева, молодая сотрудница Мамаева, с криком: «Человек в космосе!»

Могу лишь вкратце перечислить вехи, которыми отмечено отношение Николая Николаевича к становлению молекулярной биологии в Сибири. Уже в 1964 г. он ошеломил меня тем, что вместе с Д.К. Беляевым и В.В. Воеводским предложил организовать Институт биохимии. Вскоре М.А. Лаврентьев подписал решение о строительстве корпуса. Оказалось, что многие не прочь въехать в новое здание. Наиболее сильным конкурентом был Институт физиологии, сохранившийся после ликвидации Института экспериментальной медицины. Н.Н. Ворожцов предпринял ряд действенных мер, чтобы оградить строящийся корпус от этих посягательств. Он заручился поддержкой академика-секретаря отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений М.М. Шемякина. В итоге корпус был отвоеван.

Весной 1966 г. Николай Николаевич посоветовал мне оформить полученные к тому времени результаты в виде докторской диссертации. Я никогда не жалел, что переехал в Сибирь, оставив незавершенной докторскую диссертацию по окислению углеводов, перешел в совершенно новую область науки и получил докторскую степень лишь в 40 лет. И мне было очень приятно, когда на моей защите Николай Николаевич, вместо того, чтобы дать традиционную положительную характеристику, сказал именно об этом. Примерно через год после утверждения меня в степени доктора, Николай Николаевич добился двух вакансий на предстоящие осенью 1968 г. выборы для избрания В.А.

Коптюга и меня членами-корреспондентами РАН. Валентин Афанасьевич в то время уже сформировался как прекрасный специалист по теоретической органической химии, воплотивший при самой активной поддержке Н.Н. Ворожцова все то, о чем последний мог только мечтать во времена своего прихода на кафедру в Менделеевский институт. Не было никаких сомнений, что Н.Н. Ворожцов в то время готовил в лице В.А. Коптюга своего преемника. Что касается меня, избрание было по тому времени серьезным авансом.

Не вмешиваясь в дела лаборатории по мелочам, Н.Н. Ворожцов следил за ее кадровым костяком. Как только у Левы Сандахчиева прорезались первые успехи в ультрамикробиохимии, Николай Николаевич согласился создать лабораторию под это направление. Со свойственной ему прозорливостью он разглядел в Леве преданного науке талантливое самородка, и тот с лихвой оправдал полученный «аванс», став впоследствии академиком и директором Государственного научного центра «Вектор». Думаю, сказанного достаточно, чтобы понять, какую огромную роль сыграл Н.Н. Ворожцов в том, что Новосибирск стал вторым по значимости в нашей стране центром по молекулярной биологии и биоорганической химии, имеющим мировое признание.

В шуточной поэме, сочиненной еще в 1947 году, наша компания студентов кафедры Н.Н. Ворожцова в МХТИ была представлена едущими в одном купе попутчиками, а Николай Николаевич — проводником вагона. Но слово «проводник» имеет и другое, возвышенное значение — это человек, который ведет людей по горным или таежным тропам до того места, откуда дальше им предстоит двигаться самостоятельно. Именно в этом смысле, думая над названием очерка о Николае Николаевиче Ворожцове, я назвал его «Проводник».

Последний период жизни Ворожцова был трагичным. Тяжелая болезнь не дала ему завершить создание Института биохимии. Решение об этом было принято уже после его смерти. Но усилиями его ученика В. А. Коптюга, ставшего в 1980 г. председателем Сибирского отделения, и вице-президента АН СССР академика Ю. А. Овчинникова дело было доведено до конца. В 1984 г. на корпусе биохимии появилась табличка: «Институт биоорганической химии Сибирского отделения АН СССР». В моем директорском кабинете вместо традиционных портретов вождей висел портрет фактического основателя института — Николая Николаевича Ворожцова.

Д. Кнорре, академик

Источник:

Д. Кнорре Проводник // [Наука в Сибири](#). - 2007. - N 23. - С. 5.